

Игорь КАРАУЛОВ

Игорь Караулов родился в 1966 году в Москве. Окончил географический факультет МГУ, работает переводчиком. Автор пяти поэтических книг. Публиковался в журналах «Новый берег», «Критическая масса», «Арион», «Знамя», «Новый мир», «Волга» и др. Живет в Москве.

ВЕСЁЛЫЕ ПЕСНИ

***

Старательно стояли у станка,
но поняли: реальность так тонка,
и все надежды в ящичках оставили,
когда сходила музыка со стапеля.
Просторная – не ялик, не баркас,
восторг и боль во всю грудную клетку.
Построена не нами – и не нас
берущая с собою в кругосветку.

***

Далёко на озере Иссык
изысканный бродит изыск.
Правдив и свободен его язык
и светел над ним мениск.
Не знаю, шея его длинна ль,
нарядно его пятно ль.
Возможно, он просто диагональ,
символ деленья на ноль.

***

Люди стали как боги в итоге,
облачились в лазурные тоги
и в преддверии первого снега
спохватились: а где же коллега?
Тот, который служил нам примером,
в чьи мы нынче уселись сани.
Наконец-то в него мы верим,
раз уж мы в этой шкуре и сами.
Звёзд десяток налепишь за смену,
наглотаешься пыли и плазмы,
а его, точно первого снега,
не видать, не видали ни разу.

***

Весёлые песни придумала смерть,
чтоб с ними себя мне как грядку полоть,
потому что не только безумный сосед,
но и нечто поболее сверлит мне плоть.
Но разве возможно быть больше соседа?
Он афишная тумба, упруг и пузат,
и два телевизора, полные бреда,
с утра до утра его дверь сторожат.
И два его сотовых телефона
внутри него булькают варевом нот,
когда, как Титаник превыше Афона,
он стражей своих на прогулку ведёт.

***

Возьми меня с собой на испуг,
мои глаза велики.
Возьми меня с собой на исток
какой-нибудь русской реки.
Чтобы день был синий на золотом
и луч горел на сосне.
Хочу, чтобы ты был моим отцом,
я всё объясню родне.
Скажу, отец прикатил с войны
трофейный мотоциклет
с коляской вот такой ширины,
а дна в ней считай что нет.

***

На кладбище Жан-Франсуа и Анри
работают за труподни.
Друг с другом они говорят до зари,
когда остаются одни.
О лучших полках, о далёких снегах,
о матушке Березине.
О тех, кто пришел на еловых ногах,
и тех, кто остался в земле.
Но сколько же нас возвратилось, Анри? —
задумался Жан-Франсуа.
Давай посчитаем: один, два, три.
А всё получается два.
Никак не сойдутся у нас номера,
а вроде бы не колдыри
и намертво помним, что делать с утра:
бери и неси и бери.

***

Я почему-то думал, что умерла,
а тут вдруг добавилась в друзья.
Хотя, может, это другая была.
Они немного похожи, как ты и я.
Обе еврейки с фамилиями на Ц,
живут далеко, в какой-то из стран ЕС.
Нет, одна теперь в какой-то из стран небес,
а у другой была родинка на лице.
Той или этой? Так или наоборот?
И возможен ли мертвой женщине лайк?
Ангел вострубит, но не разберёт,
да и мы уж не отражаемся в зеркалах.

***

У дверей гостиницы
вдруг спохватишься,
рукой залезешь в задний карман
и сердце упадет:
а где же паспорт?

Это меня здесь не поселят?
И в обратный поезд не пустят?

Ах, вот же он, в сумке!
Сам его переложил,
сам же и позабыл.

Или еще спохватишься:
где же моя душа?
Что понесу на суд
людей и ангелов?

А потом вспомнишь:
я же ее вложил в свои книжки,
всю вложил, без остатка.
Книжки лежат в пакете,
а пакет в той же сумке.

Полистайте, прочтите:
где-то там она должна быть.
Неужели нет?

***

Мы выбираем путь иной,
не луговое легкоступье.
Нас ждёт дорога через гной
и намокающие струпья.

Возьми свой старенький бушлат,
рюкзак студенческий и даже
отцовский фотоаппарат –
мы будем делать репортажи.
Не говори, что гной – срамной,
что мы достойны лучшей доли.
Гной и не может быть иной –
дитя прозрения и боли.
Пойдём, ногами шевеля,
минуя милые забавы,
сквозь сукровичные поля
и лимфатические лавы.
В конечной точке нас не ждут,
следят за стрелками едва ли.
Зато мы срезали маршрут,
а те, блаженные, отстали.

***

Сначала мы взяли Манхэттен,
а после мы взяли Берлин,
а дальше, к далёким планетам,
наверное, не полетим.
Тому, кто бомбил Нагасаки,
чужда марсианская блажь.
Гарантией мягкой посадки
его не вовлечь в экипаж.
Он тянет в углу своё *сакэ*,
эстрада и шест перед ним,
и девушка из Нагасаки
сияет, как сто хиросим.
Уже он поник головою,
но такт отбивает рукой.
Мой адрес сегодня не воля,
мой адрес сегодня покой.

***

Не мы такие, жизнь у нас такая,
как говорил когда-то Бомарше.
Давай обгадим памятник Тукаю,
и сразу станет легче на душе.
Тукаю? Да ведь он стоит в Казани.
Непросто докатиться колесу.
И если денег нет в твоём кармане,
я за свои тебя не доведу.
Приятель, мы же голуби с тобою.
Вот для чего нам сизые крыла.
Летим сейчас – и завтра до отбоя
нам прочитает проповедь мулла.

Да, голуби. Всё время забываю.
По вечерам хожу среди витрин,
разглядывая тёплые товары
и за прилавком нежную Ширин.

***

Тенью серого волка становится лес,
набухает дорожная память.
Созидатель осины и ели творец
чудо-юдищу их уступает.
К сожаленью, любимую песню мою,
что канатом тянули и пели,
перед снегом забыли в родимом краю,
не катают во рту карамели.
Эту песню не льют и не плавят как воск,
не любят ее в полете,
только смотрят, как волк дорастает до звёзд,
и гадают, какую проглотит.
Струны серого воя в пустынной стране
простираются тросами власти.
Дорогие, весь век не писавшие мне,
наконец-то обнимемся в пасти.

***

святой-святой дом
святая-святая любовь
в новой англии
в айове
и до скалистых гор
лампа горит как костер
кто-то вошёл
кинул шляпу на абажур
шляпа и есть абажур
дети мышей
дети сверчков
дети огненных мотыльков
окружили его
закружили его:
соломенный человечек!
соломенный человечек!
ещё раз: заглушил мотор
вошёл
шляпу бросил на абажур
вот он ещё человек
а вот он уже костер